

Орлов Николай Григорьевич

Зубами вырывала из меня злосчастную пулю

Я родился 18 марта 1922 года в деревне Сапегино Гагаринского района Смоленской области.

Родители мои, отец Григорий Константинович и мать Анна Дмитриевна были крестьянами. Деревенька наша в двадцать домов располагалась вдалеке от райцентра Карманова и в 30-ти км от ближайшего городка Гжатска (ныне город Гагарин).

В начальную школу приходилось ходить за пять верст через болота и дремучий лес. Школа находилась в хуторе Вельмеж, что на Великой меже Московской и Смоленской губерний, и соседствовала с необыкновенно высокой и красивой церковью. Сейчас нет ни родной деревни Сапегино, ни Вельмежа. Все сгорело в топке минувшей войны. В апреле 1942 года, после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, линия фронта установилась в том районе как раз по Великой меже. Вот почему и нет многих деревушек в лесах Смоленщины.

Средней школы поблизости не было, поэтому меня отправили за 15 верст от родного дома в ШКМ (школа колхозной молодежи), где я продолжил учебу. Это была школа-интернат, которая располагалась в бывшем дворце Голицыных. Большой и прекрасный дворец Голицыных

поразил мое воображение. Перед дворцом - пять каскадных прудов. Вокруг дубовые рощи и поля, на которых трудились мы, школята. Жили и учились прямо во дворце.

Самообеспечение - основа нашей интернатской жизни. Пахали, сеяли, сажали, растили, убирали урожай своими руками. Из учащихся были созданы хозяйственные бригады по выращиванию той или иной сельскохозяйственной культуры. Время от времени происходила смена занятий. Скажем, в этом сезоне бригада учеников отвечала за производство ржи, на следующий год или раньше - за выращивание овощей. В интернате была и своя живность: лошади, коровы, свиньи и овцы. Учеба и работа - это то, что выпало на долю нашего поколения.

В ШКМ я с удовольствием проучился около трех лет. Доучиться до последнего, восьмого класса не получилось, случилась беда. Пожар уничтожил дворец-интернат. Освещение тогда было керосиновое. Одна из бригад оплошала при заправке ламп. Вспыхнул чердак, а за ним и весь дворец. Остатки дворца в Самуйлове до сих пор хранят память о событиях тех далеких тридцатых годов.

Тяжелое, непростое время коллективизации повлияло на жизнь нашей семьи. Отец мой, Григорий Константинович, коллективизацию не принял, хотя сражался в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) и с Гражданской войны вернулся с разрубленным белогвардейской шашкой плечом. Он покинул деревню и уехал в Подмоскowie на заработки. Мастер на все руки, даже валял валенки, устроился плотником на ныне Чкаловский аэродром.

Мать приняла новый уклад жизни. Имея четыре класса образования, была избрана председателем первого в районе колхоза (ей было тогда 32 года), а вскоре возглавила сельский совет.

В 1937 году семья переехала к отцу в Подмоскowie. Нас было пятеро в «десятиметровке» в бараке с кухней на 50 семей. Эх, как весело жили! Единой дружной семьей. «Один за всех, и все за одного» - девиз той нелегкой нашей жизни.

Учебу я продолжил в поселке Чкаловском, в школе №6 имени Ворошилова. Приняли меня в 7-й класс. Трудно, очень трудно было учиться в этой школе, где, в основном, учились дети летчиков. Кое-как справлялся, пригодился опыт

интерната. Обязательная самоподготовка под руководством ведущего учителя еще осталась в крови. Как сейчас вижу: в огромном зале за партами до двухсот учеников. По очереди парами крутим динамо-машину и при тусклом свете «грызем гранит» знаний. Попробуй, уклонись.

В это же время всем классом поступили в Щелковский аэроклуб. По окончании 8-го класса многие решили идти в военные училища, большинство, и я в том числе, - в лётное. Аэроклуб давал путевку. Мечта многих сбылась, но не моя: перед допуском к самостоятельным полетам я не прошел медкомиссию.

Горевал недолго. Щелковский военкомат направил меня в Орловское бронетанковое училище имени М.В. Фрунзе. С комсомольским билетом, букетом значков на груди: «Готов к труду и обороне» всех степеней, «Ворошиловский стрелок» и холщовой сумкой с учебниками прибыл в августе 1939 года в город Орел.

На птичьих правах

Моя история, связанная с поступлением в бронетанковое училище, кажется невероятной. Первые незабываемые впечатления от училища память хранит и сейчас. Во дворе училища смотр строя, таких как я. Старшина ведет в огромную столовую, дает 20 минут на завтрак. Через два часа первый экзамен. Так нас встретило училище. За два дня экзамены приняты: диктант, физика, математика, геометрия.

Между экзаменами - медкомиссия. Меня уже допустили на мандатную комиссию, и я обрадовался, что поступил, но не тут-то было. Вопрос о приеме в училище можно будет рассматривать только после лечения воспаления правого уха. Так меня и отфутболили. Но какую-то бумагу все же на руки дали.

Вернулся домой. Меня жалели, мол, провалился. Я обратился к врачам. Оказалось, у меня глубоко в ухе сидит пистон от пугача. Подлечился и снова отправился в училище.

К 1 сентября съехались со всей страны зачисленные в училище курсанты. У всех на руках документы о приеме, а у меня «филькина грамота». Но мне повезло, документы принимал капитан-кадровик. Взял он мою бумажку и, не разворачивая, направил меня в 1-й взвод лейтенанта Чухно, 2-

й роты капитана Каменева. Вместе с ребятами нашли и роту, и Чухно. Нас одели, обули, место в казарме дали. Учусь себе, в ус не дую. Вдруг получаю из дома письмо: «Как же ты, сынок, нас обманул? Пишешь, что находишься в училище, а мы получили все твои документы с припиской: возвращаем в связи с незачислением в училище по состоянию здоровья. Эх, Коля, Коля. Храни тебя Бог». Что делать? Молчу как рыба. Учусь неплохо. Лейтенант Чухно выдвинул меня на командира отделения. Два треугольника на петлицах.

Но вот как-то вызывают меня к начальнику училища, полковнику Чернявскому. Со мной командир роты капитан Каменев и лейтенант Чухно. Дрожу, весь в поту. Что-то будет? Пришлось держать ответ. На вопрос начальника училища, как я оказался в училище, мне же было отказано в приеме, я объяснил все, не таясь. Кадровик настаивал на отчислении, ибо я не зачислен приказом, а, следовательно - лишний едок. Но за меня вступились Каменев и Чухно: мол, Орлов хорошо осваивает программу, планируем определить его на помощника командира взвода.

Полковник Чернявский распорядился отдать приказ о зачислении меня в училище. А вскоре пришло письмо из дома: «По требованию училища возвратили военкоматовские документы. Учись, сынок, человеком будешь».

И в самом деле, училище готовило из нас настоящих специалистов военного дела. Два года напряженной работы. Техника, тактика, политучеба, физическая подготовка, вождение транспортных средств, «образоваловка» за десятый класс. Немало! Овладевали танками ряда марок: Т-27, Т-26, БТ-5 и БТ-7. Весной 1941-го стали изучать самый мощный и самый красивый танк в мире Т-34. На нем мне пришлось громить немецко-фашистскую нечисть во многих операциях на фронтах Великой Отечественной войны. А пока выезжали на учения.

Ошибка вышла

Вспоминается курьезный случай во время учений перед самой войной. Месяца за два до выпуска из училища нас вывезли на учения в район Понырей, что под Курском. Заняли позицию на окраине одного села. Вдруг одна бабуля как завопит:

- Ах вы, проклятые, откуда только взялись, нехристи? - и пошла креститься. Растолковали ей, что и как. А она:

- А я подумала, что война началась.

Успокоили бабулю, заверив ее, что мы будем бить врага только на их территории, своей вершка не отдадим. Промахнулись мы тогда по молодости. Вершки не отдали, а полстраны, хотя и временно, потеряли. У Поньрей в июле 1943 года горело пламя величайшего сражения. Бывает же так.

В мае 1941 года мы не обсуждали вслух, но чутьем понимали: война на носу, вот-вот грянет. И точно, в начале июня состоялся досрочный выпуск всех училищ.

Буквально за неделю до войны я прибыл в Минское танковое училище Западного особого военного округа, где принял взвод только что набранных курсантов. Здесь я, лейтенант Николай Орлов, начал самостоятельную воинскую жизнь. И не простую, боевую. Мне было девятнадцать лет, немало. И не было со мной отца-воспитателя, лейтенанта Чухно, дорогого мне человека, сложившего свою толковую голову за наше Отечество вскоре после начала войны.

Начало войны 22 июня 1941 года встретил на рассвете, внезапным ударом с воздуха в летнем лагере училища под Минском.

Курсантов училища не бросили в сражение за Минск. Город был взят немцами на седьмой-восьмой день войны. А мы марш-бросками по 40-50 км в сутки уходило на восток через Могилев на Смоленск. Отступали не сплошной колонной, а взводами и ротами по проселкам и лесным просекам. Конечно, без карт. Винтовки учебные, боевое оружие получить не удалось, склад с оружием был взорван. Харч подножный. Жарища невероятная. И все бегом, бегом.

За Березиной мой взвод вышел на хорошую дорогу, но был остановлен полковником Медведевым из генерального штаба, к которому мы и попали во временное распоряжение.

Руководил полковник на удивление очень грамотно, и вскоре мы уже с успехом выполняли поставленную им задачу: задерживать всех бегущих на восток по этой дороге военных; проверять машины, оружие и боеприпасы складировать. За одни сутки набралось столько красноармейцев и командиров, а также разного стрелкового оружия, что начали сколачивать

из них отделения, взводы и роты. Скопилась уйма машин, на них и отправляли бойцов на восточный берег Березины.

Позднее полковник Медведев поблагодарил меня за оказанную помощь. С оправдательной запиской для начальника училища (чтобы, не дай бог, не посчитали меня дезертиром), я со своими ребятами продолжил путь. Училище уже было на Смоленщине под Рославлем. Опять марш-броски по 40-50 км. Догнали училище, когда оно уже готовилось для погрузки в эшелон.

Долгий путь через центр России в город Ленина - Ульяновск. Так мы оказались на берегу великой русской реки Волги. Здесь мы стали 2-м Ульяновским танковым училищем.

Готовили нас к войне, которая набирала обороты. С затаенным дыханием следили мы за битвой под Москвой. Стыдились за свое сидение в глубоком и тихом тылу. Учили курсантов и много работали. Давали норму! Разгружали эшелоны со станками Московского автозавода ЗИС. Заготавливали горы дров для города. За десятки верст тащили на своих плечах пудовые покрышки из вмерзших в Волгу огромных барж. И много других работ взваливали на плечи юных курсантов в то тяжелое время.

Сводки с фронтов приходили неутешительные. Задевало: там сражаются, а мы, молодые, крепкие, в стороне от битвы с фашистами.

Вместе с другом Леней Северовым начали писать в Москву самому Сталину. Просьба одна - отправить на фронт. Каждую субботу отправляли письмо-прошение. Ответы приходили из штаба генерала Федоренко, в то время главного по танковым войскам, к сожалению, отрицательные, со словами утешения. Мол, готовить командиров-танкистов тоже фронт, придет время, отправим воевать и вас.

Наконец, в июне 1942 года пришло распоряжение, откомандировать меня в Сталинградский автобронетанковый центр. Видимо, в Москве учли, что в мае под Харьковом погиб мой старший брат - пулеметчик Михаил Орлов. Об этом я указал в последнем письме-прошении.

Сборы были недолги. Пароходом - в Сталинград. На подступах к Сталинграду нас пару раз бомбили немцы. В первых числах июля я был в Сталинграде. А фронт был за Доном, всего в 200 км от Сталинграда.

Получил в свое распоряжение маршевую роту экипажей из 10 танков Т-34 в 21-м учебном танковом батальоне под командованием майора Гирды.

При танковом заводе готовил танкистов. Вместе с рабочими завода сами собирали танки, учились вождению, стрельбе, тактике, обслуживанию танков. По 10-12 часов занятий, плюс участие в строительстве оборонительных рубежей. В середине августа моя и еще две роты были готовы к отправке на фронт.

24 августа моя рота должна была своим ходом на собранных лично машинах выдвинуться в район Калача-на-Дону и войти в состав одной из танковых бригад. Но случилось все по-другому. Из-за прорыва фашистских танков к Сталинградскому тракторному заводу моя рота получила другую задачу: совместно с отрядами рабочих и истребительными батальонами задержать немецкие войска, прорвавшиеся к Волге в районе поселка Рынок.

Попытка прорыва немцев в Сталинград отбита

Вот как это было. Стоял жаркий солнечный день 23 августа 1942 года. Воскресенье. Примерно в 15.30 на город обрушился мощнейший удар немцев с воздуха. Бомбежка за бомбежкой продолжались, казалось, бесконечно. Город в сплошном огне и черном дыму. В огне и Волга. В городе ни одной части регулярных войск. Только зенитчики, полк НКВД и учебные подразделения.

Вдруг совершенно внезапно у Волги, в 1,5 км от Танкового завода, появились немецкие танки. И немало. Они захватили населенные пункты: Орловку и Рынок. Как позже выяснилось, к Волге прорвалась 16-я танковая дивизия 14-го танкового корпуса 6-й армии Паулюса.

Этот корпус утром 23 августа, прорвав оборону наших войск на Дону, стремительно рванул к северной окраине Сталинграда и к 17.00 уже был у Волги. Город на грани катастрофы, ибо с утра 24 августа готовился удар по городу с севера на юг силами танковой дивизии.

Моя и еще две другие танковые роты, готовые к отправке на фронт, совместно с рабочими отрядами, с ополчением атаковали немецкие танки, остановили их на самых подступах к заводу. С каждым часом сопротивление

нарастало. Нам удалось отбить Рынок и отогнать немцев от Волги, да так, что до самого конца битвы именно в этом районе они не могли пробиться вновь к реке.

На второй день после боя чуть не загремел по своей глупости под трибунал: хотел проверить - уцелела ли после такой адской бомбежки знакомая дивчина, она проживала с родителями в центре Сталинграда. На танк - и туда. Какое там! Вместо дома - огромный котлован. По дороге обратно меня остановил комбат майор Гирда, который крепко отругал меня за самоволку, но все же спас меня от страшного суда - как дезертира, велел сослаться на его приказ. Как же я ему благодарен, моему славному командиру!

Ожесточенные бои продолжались несколько суток. В мою роту вскоре влилось семь «тридцатьчетверок» с экипажами из рабочих завода. Это были мастера-умельцы высшего класса. Подоспели моряки Волжской флотилии. Они шли в атаку вслед за танками в тельняшках и с пением "Интернационала". Мы понесли тяжелые потери, но намеченные рубежи отстояли и сорвали захват немецкой танковой дивизией тракторного завода и прорыв ее в Сталинград.

В этих боях я был тяжело ранен. Когда мой танк подбили, принял решение пересесть на ближайший ко мне танк Т-34. Первая пуля попала только в ребро шлемофона, вторая - в плечо, а третья - в грудь и насквозь. Затем был санитарный эшелон, эвакуация через Волгу, казахские степи.

Без документов

В связи с ранением вспоминается такой случай. Однажды, во время остановки санитарного поезда, выскочили из теплушек проветриться, но не рассчитали время. Паровоз вскоре «гуднул», и «был здоров» наш санитарный эшелон. В силу своей слабости после ранения, догнать поезд я не мог. Но один старший лейтенант-артиллерист, с перебитым плечом, не бросил меня.

Ночь, холодина. Один ковыль вокруг. А мы почти голые. Заскучали. На рассвете другого дня нас подобрали добрые люди из очередного эшелона. Последовал допрос: «Кто такие, откуда, ваши документы?» А у нас никаких документов. Одни бинты. Однако не бросили нас.

Разгрузились мы в городе Энгельсе. Госпиталь был развернут в школе. Врачи - хорошие люди, но еще без опыта. Вначале я пошел на поправку, а вскоре стал "отдавать концы". И отдал бы, если бы не подвернулся замечательный хирург, специалист по легким. Поставил он меня на ноги. Зажило все, "как на собаке". Еще бы! Мне двадцать лет.

Уговорил врачей досрочно выписать. Надо возвращаться к своим, в Сталинград. В Саратове, при отправке на фронт, майор-кадровик стал требовать документы. А их-то нет, они уехали с тем, бросившим нас, эшелоном. После дотошного допроса, майор все же смилостивился и вручил мне направление. Я вновь командир роты танков Т-34.

В Татищевском учебном центре под Саратовом, куда был направлен после ранения, я попал в распоряжение командира 21-го танкового полка подполковника Н.М. Бриженева. Был назначен командиром роты легких танков Т-70 танкового полка 60-й механизированной бригады, которая вошла в состав формировавшегося 4-го механизированного корпуса.

Пришлось мне осваивать танки Т-70, так как рота танков Т-34 была уже укомплектована. Иду знакомиться с будущей ротой. Танки так себе, невзрачные. Два автомобильных мотора на одной оси. Броня от пуль. Пушчонка слабенькая, 45 калибр. Экипаж - командир, да механик.

Перед танками стоят экипажи. Командиры танков - лейтенанты. Вглядываюсь в лица. И надо же: в строю мои бывшие курсанты 2-го Ульяновского, бывшего Минского танкового училища! Уже лейтенанты. Это их я вел через Белоруссию и Смоленщину. Это их я, как мог, готовил в Ульяновске всю зиму и весну 1942 года.

Началась напряженная боевая подготовка: вождение, огонь, тактика. Вскоре я освоил танк Т-70.

В конце октября 1942 года нас погрузили, перевезли через Волгу в район Эльтона, где мы разгрузились. И уже маршем, с востока на запад, двинулись к Волге. Запомнилось много, очень много эшелонов и много войск. Это наш 4-й механизированный корпус генерала В.Т. Вольского двинулся к переправам Волги. При передвижении соблюдалась жесточайшая дисциплина. Двигались только ночью. Не допускалось ни одного огонька, попробуй только закури...

Потеря

Запомнился такой случай. Переправлялись на огромных баржах, весь полк поместился на одной из них. Почти всю ночь шла баржа. Потом разгружались до самого рассвета. Позже хватились - одной «тридцатьчетверки» нет. Ну и ЧП! При выгрузке в результате разгильдяйства, танк скатился с баржи в воду. И такое случалось.

Наш корпус после переправы вышел в район немного южнее Сталинграда, где шли ожесточенные бои. Думалось, что вот-вот нас бросят на помощь сталинградцам. Однако у командования были другие планы.

После тщательной подготовки, войска нашего 4-го механизированного корпуса в ночь на 20 ноября 1942 года двинулись в исходный район. Повел и я свою танковую роту "семидесяток". Перед ротой была поставлена конкретная боевая задача, необычная: стремительно продвигаться в колонне, не ввязываясь в бой без приказа; обогнать пехоту, которая совершила прорыв обороны румын между озерами Цаца и Барманцак. Туда-то и устремились в колоннах части нашего корпуса.

За двое суток мы прорвались в тыл немцев на глубину около ста километров. Захватив хутор Советский, мы целые сутки отражали удары немецких танков.

23 ноября к нам подошли части 4-го танкового корпуса, наступавшие с северо-запада. В это время мы осознали, что свершилось чудо: окружена крупная группировка немецко-фашистских войск под Сталинградом.

В конце ноября 1942 года при отражении атаки немецких танков я был ранен в живот пулей, не сквозной, «излетней». Вот при каких обстоятельствах это произошло.

Она опять меня спасала

Немецкие танки стали обходить с левого фланга боевой порядок нашего танкового полка. Командир приказал выдвинуть взвод им навстречу. Темная ночь. Все пространство в трассах от пуль и снарядов. В наших легких танках Т-70 раций не было. Выскакиваю из своего танка и несусь к танку командира одного из взводов передать приказ. Только

поставил командиру задачу, как тут же был ранен, видимо, рикошетной пулей.

Врач полка Софья Цырульникова зубами вырывала из меня злосчастную пулю, поскольку, пока бежала к моему танку, у нее осколком снаряда оторвало медицинскую сумку. Спасибо Софье, она еще один раз вовремя придет мне на помощь.

А я снова в боевом строю. Перед нами новая задача: совершить марш-бросок в район хутора Верхне-Кумского, который 14 декабря был захвачен танковой группировкой Гота.

Хутор Верхне-Кумский

Танковая группировка Гота прорывалась из района Котельникова в Сталинград для спасения армии Паулюса. Шесть суток шло сражение нашего 4-го механизированного корпуса с многократно превосходившей группировкой немцев, в составе которой впервые действовал отдельный батальон тяжелых танков - "тигров".

В этих тяжелых боях я командовал ротой танков Т-34 под девизом: "Ни шагу назад! Стоять насмерть!"

Моя задача состояла в прикрытии брода на реке Аксай. Я удачно воспользовался обнаруженным рядом карьером и расставил свои танки так, что их корпуса оказались укрытыми, как в окопе. Только организовал огонь, а танковая колонна противника уже подходит к броду, удачно подставляя нам свои борта. Просто находка. Мы пропустили разведку и по команде «огонь!» стали методично отправлять снаряд за снарядом в борта фашистских танков и бронетранспортеров. В роте было семь «тридцатьчетверок», и мы подбили восемь немецких танков. У нас же был подбит только один, и то потому, что его командир, видимо, трусил: дал команду механику-водителю задним ходом выбраться из карьера. Разумеется, противник не промазал. За трусость и был наказан.

Хутор Верхне-Кумский, находясь в центре сражения, не раз переходил из рук в руки. Здесь же, на моих глазах, экипаж лейтенанта Саши Плугина совершил танковый таран. В атаке у них снарядом оторвало часть орудия, танк задымился. Несмотря на команду покинуть танк, экипаж пошел на таран.

Удар был страшной силы. Оба танка, охваченные пламенем, сгорели.

В этом бою немцы, убегая, бросили в хуторе более десяти танков, часть из них даже с работающими моторами. Я заскочил в один из таких танков, а там - бочонки с коньяком и ликерами, да сыры размером с автопокрышку. Потом прояснилось: танки были 6-й танковой дивизии, переброшенной из Франции.

18 декабря 1942 года - кризисный день сражения. Гот ввел в бой еще одну танковую дивизию. Фланги корпуса охвачены огнем. Боевые порядки немецких и наших частей перемешались. Зачастую не поймешь, где свои, а где немцы. Все вокруг простреливалось. Полное господство вражеской авиации. Нам объясняли - подходят наши войска.

В середине дня по всем боевым сетям пронеслась информация: наш 4-й механизированный корпус за массовый героизм, проявленный в сражении против деблокирующей группировки Гота, преобразован в 3-й гвардейский механизированный корпус. Это был единственный случай присвоения гвардейского звания непосредственно в ходе сражения.

Чуть позже нашему гвардейскому корпусу будет присвоено почетное наименование «Сталинградский».

Мое участие в боях под Верхне-Кумским отмечено орденом Красного Знамени и присвоением звания почетного гражданина этого хутора, а также третьим ранением.

После завершения Сталинградской битвы наш корпус направили через степи Калмыкии в направлении Ростова.

В июне 1943 года судьба забросила меня в штаб бронетанковых и механизированных войск Степного фронта. Здесь я служил помощником начальника оперативного отдела. Штабная работа не пришлась мне по душе, рутинная, не боевая: сбор информации, оформление оперативных карт, сводок и донесений в Генштаб, поездки и полеты в войска. Мои просьбы об отправке в боевые части отменялись.

И только после Прохоровского сражения на Курской дуге в августе 1943 года мне посчастливилось вырваться в 27-ю гвардейскую танковую бригаду 2-го Украинского фронта. Комбригом здесь был полковник Н.М. Бриженев, тот самый, у которого под Сталинградом я был в подчинении.

В бригаде я принял 1-й танковый батальон, который особенно отличился в боях при уничтожении окруженных в Сталинграде немецко-фашистских войск. Танк Т-34 лейтенанта Канунникова, подбитый немцами на Мамаевом кургане, навечно установлен у подножия главной высоты России.

После освобождения Харькова началось преследование немцев через Полтаву на Кременчуг. Впереди был Днепр. Мой батальон принимал участие в форсировании Днепра южнее Кременчуга. Память сохранила мельчайшие подробности тех далеких событий при форсировании Днепра. Вот как это было.

Переправа, переправа! Берег левый, берег правый...

Командующий 7-й гвардейской армией генерал Шумилов лично поставил перед батальоном задачу: не ввязываясь в бои, обходя населенные пункты, выйти южнее Кременчуга к Днепру и захватить плацдарм на его западном берегу. Батальон, усиленный противотанковой батареей и взводом саперов, стал передовым отрядом 7-й армии.

Мы нашли всезнающего старичка, определили его на танк проводником и двинулись к цели. Не встретив никакого сопротивления, вышли к Днепру у небольшого хутора Орлик. Вышли, а как переправиться? Переправочных средств нет. Пара лодок, которые нашли, погоды не сыграют, как говорится. Нужного материала для плотов тоже недостаточно. Выручил местный житель, предложив разобрать его хату и постройки на плоты. Собрали в Орлике небольшую команду, поскольку пехоты почти не было. Общими усилиями связали плоты. И вот пошел первый рейс. Переправа состоялась без потерь. У немцев здесь не было обороны. Авиация, конечно, бомбила, но мимо. В этом рейсе особо отличился мой заместитель капитан Александр Конин.

Зато впереди нас ждали тяжелейшие бои на плацдарме. Целый октябрь отражали удары немцев, но плацдарм удержали. Отсюда 7-я армия перешла в наступление.

За бои на Днепре я был представлен к званию Героя Советского Союза, но удостоен был только ордена Ленина - высшей советской награды.

После освобождения Кировограда принимал участие в окружении и разгроме стотысячной Корсунь-Шевченковской

группировки немцев. Мой батальон в этой операции проявил особое мужество и героизм. Враг, пытаясь вырваться из котла, прорывался ночью, причем, не в развернутых боевых порядках, а тремя колоннами. Немцы шли «ва-банк». И попали под огонь и гусеницы наших танкистов. Страшная картина!

За успешные бои в этой операции я был отмечен орденом Красного Знамени.

В марте и апреле 1944 года мой батальон в составе 27-й гвардейской бригады вел бои на Первомайско-Кишиневском направлении, форсировал Южный Буг.

Был награжден орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды.

В мае 1944 года моя боевая жизнь закончилась. Почти под танковым напором комбрига, нашего "бати", был откомандирован на учебу в прославленную Военную академию бронетанковых войск имени И.В. Сталина.

К этому времени, имея звание майора, мне исполнилось 22 года. На руках справка об одиннадцати, лично подбитых, немецких танках, не считая ротных и батальонных побед.

Память цепко хранит первый фашистский танк, который мне удалось подбить на четвертый или пятый день войны на подступах к Минску. К сожалению, мой танк БТ-7 тоже сгорел.

Позади осталась боевая юность. Прощай фронт и несбывшаяся мечта добить гитлеровцев в Берлине. Мои танкисты добьют их в Праге, где до сих пор стоит на постаменте танк Т-34 «Челябинский колхозник» 1-го батальона 27-й гвардейской танковой бригады, как знак победы советского народа над фашизмом.

В академию прибыл обобраный в вагоне до последней нитки, словно какой-то рок меня преследовал, оказавшись в очередной раз без документов. Пришлось какое-то время посидеть в карантине, пока отдел СМЕРШ и начальник академии генерал Ковалев разбирались с ситуацией.

После тяжелых конкурсных экзаменов я был зачислен на первый курс академии.

Осенью 1947 года, после трех лет учебы, получил направление на Сахалин командиром танково-самоходного полка стрелковой дивизии. И вдруг за день до отъезда меня вызывают в академию и объявляют, что я остаюсь в

адьюнктуре, по кафедре тактики. Подумать только: семь золотых медалистов и среди них я, простой смертный, не имея этого титула!

Три года почти самостоятельной учебы дались нелегко: сдача уймы зачетов и экзаменов, разработка рефератов. Наконец, я кандидат военных наук. Уложился в срок.

С 1950 года началась моя педагогическая деятельность в бронетанковой академии, которая "ковала" офицеров и инженеров-танкистов. И надо отметить, практически вся моя служба прошла в стенах этой академии, которая стала мне вторым родным домом.

В 28 лет мне присвоили звание полковника.

Будучи преподавателем, в 1967 году защитил докторскую диссертацию. Затем был удостоен ученого звания профессора и почетного звания "Заслуженный деятель науки РСФСР". Мне было доверено сформировать и возглавить вначале кафедру управления войсками, а затем главную кафедру академии - кафедру оперативного искусства. 13 лет жизни я посвятил этой кафедре, где сложился необыкновенно талантливый коллектив военных педагогов.

Мне посчастливилось работать в академии под руководством одиннадцати талантливых начальников. Среди них такие прославленные полководцы, как дважды Герой Советского Союза Главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров, Герой Советского Союза Главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян, Герой Советского Союза маршал бронетанковых войск О.А. Лосик. Судьба мне даровала возможность четыре года быть заместителем Олега Александровича Лосика по научной работе.

В академии мне были присвоены четыре воинских звания: подполковник, полковник, генерал-майор и генерал-лейтенант. Здесь же был награжден пятью орденами, два из которых - Трудового Красного Знамени, чем особенно горжусь.

Горжусь и тем, что причастен к обучению таких крупных военачальников, как С.Ф. Ахромеев, С.К. Куркоткин, И.Н. Родионов, М.М. Зайцев, Н.И. Попов, В.И. Попов, С.П. Золотов и многих других.

Уволился из Вооруженных сил Советского Союза в ноябре 1988 года с должности заместителя начальника

Академии бронетанковых войск по научной работе, прослужив отечеству 49 календарных лет.

Много лет посвятил ветеранскому движению. Возглавлял Совет ветеранов 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса, в составе которого сражался под Сталинградом. Был председателем объединенного Совета бронетанковых войск и кавалерии при Московском Комитете ветеранов войны. Являюсь почетным его членом.

Женат, с супругой Тамарой Григорьевной Орловой вместе более 60 лет. Сын Игорь - танкист, полковник в запасе; дочь Галина - кандидат наук; три внука, один из них, Алексей, капитан, командир роты.

Являюсь почетным гражданином Октябрьского района и хутора Верхне-Кумского Волгоградской области, а также Сморгонь в Белоруссии.

Участник Парада Победы 24 июня 1945 года и всех последующих юбилейных парадов.

Декабрь 2008 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студентка 1-го курса факультета химической технологии и экологии Московского государственного текстильного университета им. А.Н. Косыгина - Землянская Дарья Владимировна